

Валентина Якимюк-Савчиньска

Белосток

Sacrum в лирике Тэффи

Ключевые слова: Бог, родина, тоска, одиночество, христианство

Надежда Александровна Лохвицкая, по мужу Бучинская (1872–1952), публикующая свои произведения под псевдонимом “Тэффи”, родилась в родовой дворянской семье с литературными традициями. Лохвицкие были знатными и образованными людьми. Прадед по отцу, Кондратий Лохвицкий (времена Александра I) писал мистические стихотворения. Дед по отцовской линии был философом и литератором, отец – Александр Владимирович Лохвицкий (1830–1884) – профессор криминалистики, издатель и редактор “Судебного вестника”, блестящий оратор и остроумец. Его шутки иногда становились пословицами. Мать Тэффи была француженкой, любила и знала литературу. Все дети в семье (Мария, Надежда, Варвара, Елена и Николай¹) увлекались литературой и писали стихотворения. Оказалось, что среди сестёр самой талантливой была Мария, известная под литературным псевдонимом Мирры Лохвицкой (1869–1905) и Надежда Лохвицкая (1872–1952) [Никоненко 2004, 7], но и Варвара – псевдоним “Мюргит” писала очерки и печатала их в “Новом времени”, а её пьесы шли в “Кривом зеркале”. Самая младшая, Елена была автором нескольких талантливых пьес, которые показывали в разных театрах. Семья была православного вероисповедования и, как отметила сама Тэффи, детство

¹ Брат Тэффи – Николай (1868–1933) во время Первой мировой войны сделал военную карьеру. В чине генерала командовал русским экспедиционным корпусом в Париже.

было счастливое, радостное, беззаботное, с подарками, с празднованием церковных праздников и соблюдением обрядов согласно традиции [Фидлер 1911, 203]. Значит *святость, святое, божественное* вошло в душу и в сердце Надежды вместе с воздухом и атмосферой родного дома.

Предметом исследования в нынешней статье является сборник стихов *Passiflora*, который состоит из тридцати четырёх стихотворений и появился в 1923 г. в Берлине, когда Тэффи уже пять лет пребывала в эмиграции, имея за собой большой жизненный опыт. После того, как окончив петербургскую гимназию, она вышла замуж за друга брата, поляка Владислава Бучинского (был судьей в Тихвине), родила троих детей (дочь Валерию, сына Яна и дочь Елену), разошлась с мужем, уехала в Петербург и там занялась литературой. В конце 1918 г. вместе с Аркадием Аверченко уехала на гастроли в Киев. В связи с военными действиями, вместе с бежавшими людьми передвигалась с места на место, всё дальше на юг, а затем попала в Константинополь и, в конце концов, в Париж. Советы посторонних людей, чтобы политическую суматоху в стране лучше переждать за границей, а после нескольких месяцев возвратиться назад, казались ей хорошим решением² [Тэффи, 2004, 165]. Она надеялась вскоре вернуться, но на чужбине прожила тридцать четыре года. Всё её творчество переполнено ностальгическими мотивами [Трубилова 1995, 39], грустью за родиной. Она жила в Париже в небольшой квартире одна. Андрей Седых вспоминает: “жила она в доме № 59 на рю Буассьер, в небольшой квартире, заставленной книгами. Над диваном висел портрет с гитарой в руке...” [Седых 1963, 194]. Она писала, что без России *вянет душа*, но, как белогвардейская писательница, на родину так и не решилась вернуться. Страх перед смертью из рук большевиков победил всё³. Несмотря на то, что сперва в Париже, а потом в Берлине, была группа русских эмигрантов, писателей первой волны, эмигрантскую жизнь Тэффи называет *загробной*⁴. Она умерла шестого октября 1952 г. в Париже, в четыре часа дня, когда у ней пребывала дочь Валерия.

² Тэффи в своих *Воспоминаниях* пишет: “... торопливо и неинтересно пробежали последние новороссийские дни перед неожиданно надуманным отъездом. – Сейчас вернуться в Петербург трудно, поезжайте пока за границу, – посоветовали мне. – К весне вернётесь на родину. Чудесное слово – весна. Чудесное слово – родина... Весна – воскресение жизни. Весной вернусь”.

³ Вспоминала: “Думаем только о том, что теперь там. Интересуемся только тем, что приходит оттуда...” [Трубилова 1995, 39].

⁴ Известно, что в Париже жила группа русских писателей, но не все они дружили друг с другом. Андрей Седых Тэффи писала: “Господи! Какие мы все стали старые

В эмиграции, в Париже Тэффи многие годы была председателем Общества русских и зарубежных писателей, а её произведения публиковались не только в парижских изданиях, но и в берлинских, варшавских, ковенских и пражских.

В контексте вышесказанного сборник *Passiflora* занимает особое место в творчестве Тэффи. Значение заглавного слова сборника Тэффи определяет, как *скорбное слово*, т.е. место, куда её лирическая героиня, с которой, отождествляясь, сама Тэффи, заносит свою скрываемую от людей, *скорбь*. Тем интереснее, что, как вспоминают современники, Тэффи не любила интимничать; “О себе и своих переживаниях она говорила редко и, по её словам, терпеть не могла интимничать”; “Снаружи у меня смех (...), а внутри сплошное болото, не душа, а сплошное болото” – однажды призналась друзьям [Одоевцева 1943, 23]. Этот сборник открывает загадочное стихотворение – *Страстоцвет*, т.е. цвет *страсти*:

Тёмное имя цветка...
Орудия страсти Христовой –
Узор его лепестка. (с. 277)

Страстоцвет – это *лесной апостол* и *полевой евангелист*. Он – по Тэффи, совмещает в себе всю боль и тоску страдающих. Стихотворение оканчивается словами:

Да поют все цветы и травы
Славу *кресту твоему*,
И я твой *стигмат кровавый*
На сердце свое приму. (с. 277)

Сильные эмоциональные слова насыщены страданием, касаются страдания полевого цветка, обозначают глубину страдания лирической героини, но одновременно намекают на самое важное в христианстве событие – на Крестную Смерть Иисуса Христа, которому поклоняется вся природа и всё человечество. Этот Крест Христос понёс за спасение мира, о чём знает лирическая героиня стихотворения Тэффи, и никому не обещал, что в жизни будет легко. Он сказал: “Кто хочет быть со Мной, пусть возьмёт свой крест и следует за Мной”. Эти

хари! Голубчик, предупреждаю Вас – не пугайтесь. Вы нас давно не видели. Мы очень страшные, облезлые, вставные зубы отваливаются, пятки выворачиваются, слова путаются, головы трясутся (...), глаза злощие и подпухшие, щёки провалились, а животы вздулись” [Седых 1963, 194].

слова так же известны лирической героине, если она говорит *стигмат кровавый / На сердце свое приму*. Несмотря на глубину страдания её; она всё-таки соглашается на то, что дала ей судьба, так как хочет быть с Ним, со своим Богом и по мере своей возможности, будет нести свой крест, следуя за Ним.

Необходимо заметить, что это постоянный мотив в лирике этого сборника. Чем глубже страдание лирической героини, тем больше запутанности в стихах Тэффи. Как высказать невыплаканную боль, несбывшиеся мечты, муки сердца и бесконечное, безнадежное одиночество? Какими словами передать эту правду? В стихотворении *Как я скажу, что плохо мне на свете* лирическая героиня задумывается над этим вопросом. Надо это сделать так, чтобы перед людьми не открыть мук своей души и тогда в стихотворениях Тэффи начинается непонятное, так как в многих её лирических высказываниях “отсутствует” логическое мышление. Она, иногда невпопад, пользуется христианской лексикой, вызванной игрой воображения и, понятной только ей одной. Чтобы выразить *крик души*, в логическое повествование врываются внезапно слова типа: *Господний рай, Христос, святые, Серафимы* или прямо лирическая героиня обращается к Богу: *Господи*. В такой ситуации слова с религиозной окраской “заставляют” читателя, именно на них, сосредоточить свое внимание.

В стихотворениях этого сборника Тэффи часто возносит молитвы к Богу, как в стихотворении *Край мой*. Она просит Бога за свой край, желая ему Господнего рая. В другой раз, как будто в исступлении, неожиданно для самой себя, лирическая героиня даёт себе отчёт в том, что

Я не здешняя, я издалека
Я от северных синих озёр... (с. 278)

и уже более спокойно признаётся:

Только в миг незакатно единый
Мне почудится шорох крыла –
Мне послышится клик лебединый,
И я руки свои подняла... (с. 279)

В такие минуты она часто поднимает руки к небесам, к Богу с молитвой на устах, надеясь на чудо, что кто-то позовёт её, что она, вдруг, очнётся в родном краю, где часто слышен крик лебединый и шорох крыла этой сильной и красивой птицы. Её молитва звучит постоянно. Лирическая героиня и Тэффи – это здесь одно – “ведёт разговор”

с Богом на разные темы, которые её волнуют: на тему смерти, смысла жизни, спасения, страдания. Традиционным русским мотивом является благословение близких и родных в связи с праздником Воскресения Христова (Пасха) и она это событие часто вспоминает.

Надо особенно подчеркнуть, что постоянным мотивом, который напоминает ей Родину и выступает в многих её стихотворениях является белый лебедь. Иногда она саму себя называет *лебедем северных синих озёр*, который страдает и плачет потаённо, *плачет душа её*. Всё время чудится ей белая птица, которая *стучит о стекло крылом...* и добавляет: *Печален стон лебединых струн* (с. 289). В эти минуты она как бы ищет поддержки у самого Бога:

Верь мне, *Господи*, верь! –
Я не внемлю,
Кто там бьётся белой тоской... (с. 280)

В зените своих сердечных и душевных мук, из-за невозможности выхода из трудной ситуации, лирическая героиня вдруг смиряет и уговаривает себя, что она как христианка только *кроткий раб*, умеет смириться, молиться. Она не хочет больше обманывать саму себя, не хочет верить в чудеса, но в Бога, который везде:

Мне *Господь* повелел смириться
И с *молитвой* закрыть свою дверь! (с. 280)

Почти каждую минуту её мысли меняют свой ход. Неожиданно приходит и такова: “Вот завела я песенку, / А спеть её нет сил” (с. 281). От философских дум опять обращается к Богу и, почти силой хочет верить в невозможное, убеждая саму себя, что всё у Бога возможно. Он, как добрый отец, знает в чём нуждаются его дети и даёт им то. Она сама надеется, что Христос в своё время вспомнит о ней:

По тёмным переулочкам
Ходил вчера *Христос* –
Он всех о ком-то спрашивал,
Кому-то что-то нёс... (с. 281)

Тоска по родине очень сильно звучит в стихотворении *Иду по безводной пустыне*, в котором тон значительно меняется:

Иду по безводной пустыне,
Ищу твой сияющий край,
Ты в рубище нищей рабыни
Мой царственный пурпур узнай! (с. 285)

Сияющий край или *голубая забытая земля*, которая возникает в мыслях и снах Тэффи – это воспоминания детства и молодости белогвардейской писательницы, известной до революции во всей России. Её, как писательницу, читали и любили все. Даже сам император Николай II пожаловал, чтобы при составлении юбилейного сборника 300-летия Царствования Дома Романовых были в нём только произведения Тэффи. Это всё было. Тэффи знает, что теперь. Она, как и все русские в эмиграции, читала газеты и журналы. Теперь её родина в *рубище нищей рабыни* и на это она – Тэффи не соглашается. Она гордится тем, что было, но этого уже никогда не будет, несмотря на то, где бы она её не искала. СССР в то время был в действительности самой опасной страной в мире, где лилась кровь ручьями, ни в чём невиноватых людей. По поводу политики Сталина возникли рабочие лагеря, где жили, работали и умирали тысячи людей. Кроме того проводились “чистки” среди людей разных профессий [Солженицын 2011, с. 29, 58, 88].

Иногда Тэффи упоминает о ком-то, кто погасил её свечу перед Богом, о воле Сильного, но в стихах Тэффи разлука с родной страной – это *чёрная рана*. Она постоянно жалуется, что плохо ей на свете, *когда фиалками цветёт далёкий Юг* (с. 290), даже весна не радует её, потому, что горьки её слёзы. Только время от времени невыплаканная боль переходит в тихую святую кротость. Лирическая героиня стихотворений Тэффи словно святая, старается смиренно нести свой крест *замученная зноем и пылью, тоскою...*

В своих мыслях Тэффи иногда обращается к тому, кто обманул её в любви и хладнокровно задумывается над вопросом добра и зла. Почему зло приходит к человеку? С этой целью она обращается к Библии и приходит к следующему выводу:

- у ложа каждой блудницы стоит с белой лилией Архангел Гавриил;
- славен вовек обманувший Иаков и, обиженный Эзав;
- оправдан Варавва и распят Христос. Вывод, который получается, не звучит оптимистически;
- *Благословение Божьей десницы* над тем, кто грешил, обманул и убил;
- гибель кротких, радость низкопорочных и из этого что получается? – хаос и тьма, а человек является игрушкой в руках кого? – Бога или судьбы? Ничего из этого не понимая, она возлагает всё на Бога:

*Господи! Вerve разума кратко!
Господи! Кладезь Твой так глубок!*

Смотря на свою жизнь, она приходит в тупик:

И в жизни той живу, не зная,
 Где правда, где моя мечта,
 Какая жизнь моя, родная, –
 Не знаю – эта, или та...

Призадумываясь более тщательно над своей жизнью, она приходит к выводу, что она *сердцем кроткая была, людям зла не принесла*, но и сразу приходят на память греховные минуты, когда она вела себя как *блудница* и тогда слышала, как *Ангел плакал надо мною кровью мёртвых глаз*. С другой стороны – она не знает земного счастья, поцелуев, богатства. Считает себя почти нищей – *слепая и убогая* и тогда приходит ей на память Федосья-калика переходящая, пожилая, горбатая (ст. *Ангелика*), которая умерла без покаяния, без свечей, без друзей, без надгробного рыдания, в канаве придорожной, но её душа красавица, за которой прилетели *ангелы* и унесли её душу к Богу. Сам Христос с Богоматерью вышел к ней навстречу.

Раз возникшая мысль о смерти всё время волнует поэтессу. Весёлая и бойкая по своей натуре Тэффи, когда была молодая, любила говорить: “Старухой я никогда не буду. Даже в день смерти” [Одоевцева 1994, 320]. Когда стала более пожилой женщиной, условия жизни стали труднее, может и ожидала смерти, но по привычке любила шутить: “все мои сверстники умирают, а я всё чего-то живу. Словно сижу на приёме у дантиста, он вызывает пациентов, явно путая очереди, а мне неловко сказать и сижу усталая и злая...” [Седых 1963, 212].

Заслышанная в детстве сказка о калике Федосье становится источником надежды на спасение. Несмотря ни на что, лирическая героиня стихотворений Тэффи, обращаясь к Богу, просит “со святыми меня упокой”. Иногда, как девочка к отцу, так Тэффи с надеждой на милосердие прямо обращается к Богу:

Пожалей нас детей Твоих Господи
 Что слепые мы до смерти от младости.
 Что, слепые, не видим мы, Господи,
 Пресветлой Твоей Божьей радости! (с. 296)

Когда в жизни лирической героини наступают невыносимые муки, она утешает себя:

Минует всё – и злоба и тревога
 Земных страстей, заклятой суеты.
 Но в небесах, в саду блаженном Бога
 Они возрастают в вечные цветы.

Она верит, что “За тем, кто всю жизнь проплакал у порога / Сам Христос придёт в его час вечерний” (с. 294), но сразу появляется сомнение – “Мы нищие – для нас ли будет день! / Мы гордые – для нас ли упования!” (с. 296). Лирическая героиня стихотворений Тэффи с болью на сердце, с большой грустью и с многими сомнениями смотрит на свою пройденную жизнь. Она знает, что “есть в небесах блаженный сад у Бога / Блаженный сад нездешней красоты” (с. 296), но неизвестно, попадёт ли она туда. Её охватывают сомнения. Эти сомнения охватывали саму Тэффи до самой смерти, о чём, между прочим, свидетельствует стихотворение напечатанное в 1952 г. в журнале “Дело” № 2:

Вот придут ко мне Ангелы гордые
И святых осуждающих клир
И найдут, что побила рекорды я
Всех грехов, оскверняющих мир.

Я заплачу: “Не вор я, не пьяница,
Я томиться в аду не хочу”
И мохнатая лапа протянется
И погладит меня по плечу.

“Ты не бойся засилья бесовского, –
Тихо голос глухой прогремит, –
Я медведь Серафима Саровского
Я навечный и верный твой щит”.

Дальше она упоминает о таких защитниках, как зайчик Франциска Ассийского и святого Губерта олень, кошка Мурка – любимая:

И мы все, как родного и близкого
Отстоим твою грешную тень
За то, что душу звериную
На святую взнесла высоту.
(...)
И войдёшь ты, раба недостойная,
Как царица в предрайскую дверь.

Стихотворение отражает то, что в действительности имело место. Андрей Седых, пребывая в гостях у Тэффи заметил: “настоящим хозяином в этой квартире была не Тэффи, а большой кот, лениво разгуливающий по столу и недоверчиво обнюхивающий посетителей. К несчастью кот обнюхивал не только посетителей, но и тарелку с печеньем, поставленную на стол, Н. А. никак не могла понять, почему мы отказываемся от предложенного угощения” [Седых 1963, 194]. Так же и Ирина

Одоевцева вспоминает, что Тэффи любила кошек. Однажды она ей сказала: “Мне не было бы так грустно и скучно (...), если бы у меня была кошка – мечтательно говорит Тэффи (...) С кошкой мне было бы легче. Только чем бы я стала её кормить? (...) Нет, лучше уж одной мучиться”. (...) и добавила: “Человек, не любящий кошек, никогда не станет моим другом. И наоборот, если он кошек любит, я ему многое за это прощаю и закрываю глаза на его недостатки” [Одоевцева 1994, 321].

Sacrum в лирике Тэффи, связанное с христианским Богом, это продуманные стихотворения; глубокие по вере, надежде и любви к Богу, сильные по эмоциональному содержанию. Чем больше скорбь, скрываемая перед миром, тем сильнее крик души лирической героини стихотворений Тэффи, обманутого людьми и судьбою, одинокого человека. *Passiflora* это своеобразный интимный дневник в форме стихотворений, где личный мир боли и невыносимой тоски по близким и по родине сливается в один голос, переполненный невыносимой болью, направленной к Богу. Тэффи была права, когда говорила, что “нет доктора, способного понять, что со мной делается” [Цетлин 1994, 325].

На основании этих стихотворений можно проследить земной путь верующего человека, его жизненные подъёмы и падения, размышления о смысле жизни и смерти. В основу стихотворений Тэффи легла русская традиция, которая на протяжении многих лет на чужбине, осталась в ней жива, несмотря на жизненные обстоятельства и до конца её дней нитью связывала с христианской страной.

Литература

- Никоненко Ст., 2004, *Несравненная Тэффи*, [в:] *Тэффи. Собрание сочинений в пяти т.*, Москва, с. 7.
- Одоевцева И., 1994, *О Тэффи*, [в:] В. Крейд, *Дальние берега*. Портреты писателей эмиграции. Мемуары. Москва, с. 321.
- Седых А., 1963, *Н. А. Тэффи в письмах*, “Воздушные Пути”, Альманах III, Нью Йорк, с. 194.
- Трубнилова Е., 1995, *Тэффи Н. А.*, [в:] Николюкин А. Н., *Писатели русского зарубежья (1918–1940)*, ч. 3, Москва, с. 39.
- Тэффи, 2004, *Воспоминания*, [в:] *Тэффи. Собрание...*, Москва, с. 165.
- Фидлер Ф. Ф., 1911, *Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей*, Москва, с. 203.
- Цетлин М., 1994, *Н. А. Тэффи*, [в:] В. Крейд, *Дальние...*, с. 328.
- Solżenicyn A., 2011, *Archipelag Gulag*, Poznań, cz. 1–2, s. 29, 58, 88.

SACRUM IN TEFFI'S LYRIC POETRY

SUMMARY

When discussing sacrum in Teffi's lyric poetry we take into consideration the second volume of her poetry – *Passiflora*. It is a special lyric diary in which poetess describes her personal relations with God – prayer, request, invocation and despair. Their sources include homesickness, longing for relatives and misfortunes.

e-mail: w.jakimiuksawczynska@interia.pl